ПОВОЛЖСКИЕ ЗЕМЛИ
В ЭПОХУ РУССКО-КАЗАНСКИХ ВОЙН

Сборник статей
по материалам научно-практического онлайн-семинара,
посвященного 500-летнему юбилею
основания крепости Васильсурск в 1523 году

Нижний Новгород
Свияжск
2024

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)
П42

Рецензенты:
д-р ист. наук А. Е. Негин,
канд. ист. наук А. А. Сорокин

Редколлегия:
канд. ист. наук, мл. науч. сотр. ЛГИ НГУ Б. А. Илюшин,
археолог Е. В. Четвертаков

П42 Поволжские земли в эпоху русско-казанских войн [текст]: сборник статей по материалам научно-практического онлайн-семинара, посвященного 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году / под ред. Б. А. Илюшина, Е. В. Четвертакова. – Нижний Новгород; Свияжск, 2024. – 156 с., ил.

ISBN 978-5-4437-1714-2

В сборник вошли статьи археологов и историков, посвященные истории и культуре народов Поволжья в XV–XVI веках и представленные в виде докладов на научно-практическом онлайн-семинаре, 500-летнему юбилею основания крепости Васильсурск в 1523 году. Хронологические рамки определены спецификой периода московско-казанских войн. Сборник предназначается для археологов, историков, музейных работников, краеведов и широкий круг читателей, интересующихся археологическим наследием народов Российской Федерации.

УДК 908(470.341)
ББК 26.89(2Рос –4Ниж)

ISBN 978-5-4437-1714-2
DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2

© Коллектив авторов

DOI 10.25205/978-5-4437-1714-2-7

Л. Н. Аряев
независимый исследователь
l.aryayev@yandex.ru

МОСКОВСКО-КАЗАНСКИЙ КОНФЛИКТ 1505–1507 ГГ. В «ИСТОРИИ РОССИЙСКОЙ» В. Н. ТАТИЩЕВА

История московско-казанского конфликта 1505-1507 гг. в «Истории Российской» В. Н. Татищева скомпилирована из Никоновской летописи и Казанского летописца. Представленные в «Истории» уникальные сведения являются татищевскими реконструкциями, оформленными в виде аутентичного летописного текста. Во всех случаях, когда утверждения Татищева поддаются проверке, их достоверность не подтверждается.

Ключевые слова: В. Н. Татищев, Казанский летописец, московско-казанский конфликт 1505-1507 гг.

При работе над 4 частью своей «Истории» В. Н. Татищев активно использовал «Казанский летописец», также именуемый «Историей о Казанском царстве» или «Казанский историей». Этот источник был популярен в российской историографии с самого ее становления: так, к «Казанскому летописцу» часто обращался автор «Скифской истории» Лызлов, труд которого имелся в татищевской библиотеке (Пекарский, 1864. С. 59). Татищев не только обильно украсил свой нарратив рассказами из «Казанской истории», но и дополнил ее сведения уникальными подробностями, не известными никаким аутентичным летописям.

С именем Татищева связана гипотеза, что автором «Казанского летописца» был священник Иоанн Глазатый. Она восходит к фрагменту из «Предъизвесчения» I части «Истории Российской», где среди имевшихся у Татищева «историй» упомянуты «Курпский князь Андрей, а обстоятельнее… поп Иоанн Глазатой о достовании и взятье града Казани» (Татишев, 2016. С. 102). Будучи идентифицирован с автором «Казанского летописца», Глазатый получил и его биографию, как она представлена в летописце – плен, переход в ислам, служба при ханском дворе, освобождение и возвращение в христианство после взятия Казани Грозным (ПСРЛ Т. 19, 1903. С. 192–193). В первом издании «Казанской истории» 1791 г. ее автор еще был обозначен как неизвестный. Лишь в словаре митрополита Евгения (Болховитинова), со ссылкой на Татищева, сообщается об авторстве Иоанна Глазатого. Эту догадку, не называя источников, уверенно повторил архиепископ Филарет (Гумилевский), а на Гумилевского, в свою очередь, сослался К. Н. Бестужев-Рюмин (Кунцевич, 1905. С. 552–553).

Г. З. Кунцевич присоединился к предположению С. М. Шпилевского, что перу Глазатого принадлежит авторство лишь одного фрагмента «Истории о Казанском царстве» – т. н. «Отрывка русской летописи» (ПСРЛ. Т. 6, 1853. С. 303–315; Кунцевич, 1905. С. 556).

Впоследствии к этой точке зрения склонялись Г. Н. Моисеева и академик М. Н. Тихомиров (Моисеева, 1953. С. 278, 286; Тихомиров, 2016. С. 51). Г. З. Кунцевич обратил внимание на фрагмент «Казанского летописца», в котором обращающийся к Ивану Грозному человек называет себя протопопом и богомольцем (Кунцевич, 1905. С. 555), что могло бы послужить подтверждением авторства духовного лица. Однако, в соответствующих местах в «Истории о Казанском царстве» и в «Отрывке русской летописи» эти слова принадлежат не автору, а его персонажу – протопопу Благовещенского собора Андрею (ПСРЛ. Т. 6, 1853. С. 311; ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. 438–439).

Хотя до настоящего времени дошло более 200 списков Казанского летописца, ни в одном из них имя Иоанна Глазатого не значится. В предисловии к переизданию «Казанской истории» Л. А. Дубровина утверждает, что приписка об авторстве Глазатого, сделанная почерком «второй половины XVIII века», имеется на списке Срезневского и что именно эту приписку видел Татищев (ПСРЛ. Т. 19, 2000. С. V, XIX). Однако, Кунцевич в предисловии к первому изданию усматривал в приписке почерк не XVIII, а первой половины XIX века (ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. V). В описании рукописи Срезневского (шифр БАН 24.5.9.) значится, что заглавие с упоминанием Глазатого сделано рукой бывшего владельца рукописи А. И. Сулакадзева, в двух местах поставлен штамп с его именем и датой 1771 (Описание рукописного отдела БАН, 1959. С. 374). Но 1771 год – дата рождения Сулакадзева. Даже если допустить, что надпись о Глазатом сделана младенцем, ее следует считать вторичной по отношению к татищевскому свидетельству, опубликованному в I томе «Истории Российской» еще в 1768 г.

В письме к Шумахеру от 21.12.1735 г. Татищев перечисляет имеющиеся у него «для русской истории рукописи». Первым пунктом идет «История Курбского о казанском походе», а вторым – «О том же – анонимная» (Татищев, 1990. С. 214). Под последней явно подразумевается «Казанский летописец», которому Татищев в 1735 году еще не успел подобрать автора. В другой раз Татищев поминает «Гисторию Казанскую» – и снова без указания авторства – в примечаниях на 2 часть книги Страленберга в 1736 году (Татищев, 2018б. С. 531). Очевидно, версия о «попе Иоанне Глазатом» возникла у Татищева позже, в промежутке между серединой 30-х и концом 40-х гг. Неясно, что побудило Татищева выдвинуть это предположение. В тексте памятника оснований для него нет. (Кунцевич, 1905. С. 555). Возможно, татищевская гипотеза проистекает из ошибки, погрешности при копировании или чтении текста, как это имело место в других фрагментах «Истории Российской»: например, фраза Никоновской летописи «родился великому князю Ивану Васильевичу сын и наречен Георгие Митилинский» превратилась у Татищева в «родилися великому князю Ивану Васильевичу два сына, Георгий да Димитрий», а из слов «князь магист гневош убежал за день до приходу великого князя силы под город» получился «магистр

Гневаш» (ПСРЛ., Т. 13, 1901. С. 198, 213; Татищев, 2018а. С. 84, 87). В любом случае, от гипотезы авторства попа Иоанна Глазатого приходится отказаться.

Правда, остается соблазн предположить, что имя Глазатого фигурировало в каком-то списке, который был у Татищева и потом был утерян. Этому же гипотетическому списку «Казанского летописца» можно было тогда приписать те уникальные подробности, которыми этот источник дополняется в «Истории Российской» – как известно, из всех татищевских рукописей пропадают именно те, которые содержат уникальные материалы.

Заимствования из «Казанского летописца» в «Истории Российской» довольно многочисленны. Едва ли не самым примечательным с художественно-эстетической стороны является преломление известий «Казанской истории» в татищевском рассказе о московско-казанском конфликте 1505–1507 гг.

Этот рассказ читается в конце 1 (57) и начале 2 (58) главы 4 части «Истории Российской». Татищевский нарратив скомпилирован в этом месте из двух источников: «Казанского летописца» и Никоновской летописи, чей XV Академический список лег в основу текста 3 и 4 частей «Истории Российской».

У каждого из этих двух источников – Никоновской летописи и «Казанского летописца» – свой взгляд на события и собственные герои. В Никоновской летописи «царь» Мухаммед-Амин присылает Ивану III грамоту «о некоих делех князя городного Шаиныуфа». Иван III «по своему крепкому слову» отправляет в Казань Михаила Кляпика, с тем чтобы он «тем речем всем не потакал». 24 июня 1505 года «безбожный и зловерный царь Магамед-Амень Казанский» поимал посла Михаила Кляпика, «и людей великого князя торговых поимал, да иных секл, а иных пограбив, розослал в Нагаи» (ПСРЛ. Т. 12, 1901. С. 259). В Казанском же летописце главным действующим лицом является супруга казанского «царя», которая, «яко прелукавая змея», склонила мужа к выступлению против Москвы (ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. 228–230). Ни Кляпика, ни Шаиныуфа «Казанская история» не знает.

В «Истории Российской» оба вышеназванных нарратива объединены, причем сделано это с немалым художественным мастерством. У Татищева главная героиня обретает имя – Урбеть. В ее речах появляется дополнительный посыл – она не только подбивает мужа отложиться от великого князя, но и вспоминает времена, когда татары «Русью владяху и дани взимаху полетнии». Мухаммед-Амин поначалу лишь «ужасается» его словам. Тогда Урбеть клевещет на преданного Ивану III князя Шаиныуфа. Татарский «царь» доносит на Шаиныуфа Ивану III. Тот посылает в Казань Михаила Кляпика с приказанием доставить Шаиныуфа в Москву «за сторожею». Урбеть опасается, что с приездом Кляпика ее обман вскроется. Она запугивает мужа, уверяя его, что московский князь намеревается его извести, а Казань населить русскими. Устрашенный Мухаммед-Амин по ее совету собирает казанских вельмож.

Вельможи «не ведусче льсти тоя, и возопиша, да избиют всю русь». Чтобы никто не сумел спастись, по торговым путям рассылают заставы (видимо, это отражение известия, имевшегося у Татищева Чертковского списка Владимирского летописца, что русские торговые люди, успевшие было убежать за Волгу, были «по дорози» перебиты черемисами – см.: ПСРЛ. Т. 30, 2009. С. 140). Тут происходит дополнительный поворот сюжета: неизвестный источникам князь Алачай, с которым Иван III гуманно обошелся в плену, из благодарности предупреждает об опасности Кляпика. Тот успевает отослать из Казани своего сына, которому удается предупредить некоторых русских купцов – видимо, чтобы было кому рассказать в Москве о случившемся. «Нечестивый клятвопреступник Махмет-Аминь» лично режет русских гостей на казанском базаре. Иван III, узнав о казанских событиях, собирается в поход, но затем откладывает его до весны (Татищев, 2018а. С. 121–123).

Этот рассказ, как и весь текст первой редакции «Истории Российской», написан стилизованным под летопись языком. Однако ни в каком из источников ничего похожего на это беллетризованное повествование нет. Те летописи, которые упоминают о Шаиныуфе и Кляпике (Никоновская, 2 Софийская, Воскресенская, Львовская), ничего не знают о происках казанской «царицы». Автор же «Казанского летописца», сделавший «царицу» центральной фигурой заговора, молчит о Шаиныуфе и Кляпике. Татищевский рассказ, таким образом, совершенно не вписывается в какую-либо летописную традицию. Зато он очень похож на исторические нарративы Нового Времени, созданные путем компиляции разнородных источников.

В этом отношении примечательно, что рассказ о событиях 1505 г. у М. М. Щербатова и Н. М. Карамзина сходен составом действующих лиц с татищевским, несмотря на то, что с 4 частью татищевского труда ни Щербатов, ни Карамзин знакомы не были (рукопись 4 части была найдена Погодиным только в 1843 г.). Сходство обусловлено идентичностью как источников (Никоновская летопись, «Казанский летописец»), так и методов Татищева, Щербатова и Карамзина (комбинирование известий по принципу «ножниц и клея»). (Щербатов, 1783. С. 355–358; Карамзин, 1842. С. 208–209).

После Карамзина историки большей частью не доверяли «Казанскому летописцу», по крайней мере, на словах. С. М. Соловьев, считая его источником «мутным», все же повторил версию о «нашептываниях» жены как об одной из причин измены Мухаммед-Амина (Соловьев, 1989. С. 70, 365). Более близкий к нам по времени пример амбивалентного отношения к «Казанскому летописцу» продемонстрировал С. Х. Алишев. С одной стороны, он высмеивал этот источник, называл его автора «изощренным фанатиком», с другой – сам же следовал ему (а также Татищеву) и писал о «свободолюбивой» и «властной» Урбет, которая «играла важную роль в умонастроении самого хана». От себя Алишев домыслил, что

Мухаммед-Амин посещал Урбет в Вологде и влюбился в нее, поскольку она обладала красивым лицом и «изящной, грациозной фигурой» (Алишев, 2001. С. 17, 38, 39).

Между тем, трудно не заметить книжное происхождение этого образа. Злая жена, подбивающая мужа на преступные деяния – это древний и популярный архетип, отраженный в бесчисленном множестве произведений, в том числе в Библии. Еще Кунцевич обратил внимание, что приводимое автором «Казанской истории» сравнение «царицы» с червем, точащим сладкое дерево, заимствовано из древнерусской «Пчелы», где оно приписано Соломону (Кунцевич, 1905. С. 257; Семенов, 1893. С. 418).

Автор «Казанского летописца», как и многие древнерусские книжники, выстраивал свое повествование на основе реминисценций из библейских книг (Аксанов, 2017). В данном случае можно с уверенностью утверждать, что рассказ об избиении русских по наветам «царицы» был сконструирован по образцу истории об Ироде и Иродиаде. Поводов к этому было более чем достаточно: во-первых, Мухаммед-Амин, подобно Ироду, женился на супруге брата (правда, в отличие от Ирода, он не отнимал супруги у еще живого брата, но в глазах православного книжника левират сам по себе уже выглядел предосудительным), во-вторых – казанская резня пришлась на день Рождества Иоанна Предтечи, убитого Иродом по наущению супруги.

Популярности сюжета об Иродиаде способствовало «Слово о злых женах» Иоанна Златоуста (Иоанн Златоуст…, 1998. С. 59). Обличение Златоустом злой жены начальника, которая «день и ночь нашептывает ему про убийства и козни, как Иродиада Ироду», имеет соответствие в тексте «Казанского летописца»: «И начать… шептати во уши царю, день и нощь, да отложится от великаго князя» (ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. 228).

Автор «Казанского летописца» прямым текстом указывает источник своего вдохновения, когда описывает смерть Мухаммед-Амина: «И зле царь тои Махъметемин житие свое сконча, жив червми снеден бысть яко детуубийца Ирод» (ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. 240). Упоминание об Ироде-детоубийце поясняет, почему резня 1505 г. сравнивается в «Казанской истории» с избиением младенцев в Вифлееме. Казанские события даже страшнее: ведь в Вифлееме убивали только младенцев, «зде же состаревшиеся мужи, и жены, и юноша младыя, и красныя отроковица, и младенца вкупе убивахуся» (ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. 229). Очевидно, автор «Казанской истории» смешал трех Иродов: Ирода Великого, ответственного за избиение младенцев, Ирода Антипу, обезглавившего Иоанна Крестителя, и, наконец, Ирода Агриппу, который «быв изъеден червями, умер» (Деян. 12:21-23). Удивительно ли, что накануне смерти Мухаммед-Амина поражает традиционная библейская кара – проказа (ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. 237). Умирая в муках, покинутый вельможами и собственной женой, он обречен на «огнь вечный», хотя и успевает покаяться перед Василием III. К его супруге автор Казанского

летописца не менее суров: он заставляет ее отравить саму себя смертным зельем (ПСРЛ. Т. 19, 1903. С. 240).

Татищеву все эти библейские аллюзии доверия не внушали, и в его текст не попали ни предсмертное раскаяние прокаженного Мухаммед-Амина, ни самоубийство его «бодомой совестью» супруги. Вместо этого Татищев попробовал угадать ее имя. Это была не первая попытка такого рода. В имевшейся в татищевской библиотеке Латухинской Степенной книге супруга Мухаммед-Амина названа Большицей (Сиренов, 2010. С. 485; Латухинская Степенная…, 2012. С. 108). Происхождение этого домысла очевидно: автор Латухинской Степенной принял указанный в «Казанском летописце» статус супруги («болшица», т. е. старшая жена) – за личное имя. Но откуда Татищев взял имя «Урбеть» – понять невозможно. Не посчитал ли он имя «Большица» калькой с татарского и не попытался ли дать обратный перевод – в меру своих познаний в татарском языке (напр., «зур» – большой и «бит» – лицо)? Ясно только, что Татищев ошибся: как явствует из посольских книг, супруга двух казанских ханов – Ильхама и Мухаммед-Амина – носила имя Каракуш (Посольские книги…, 1995. С. 50, 52).

Поход Мухаммед-Амина на Нижний Новгород тоже изложен Татищевым по Никоновской летописи и «Казанскому летописцу», а все читающиеся у него «уникальные» известия – попытки извлечь дополнительную информацию из получившейся амальгамы (ПСРЛ. Т. 12, 1901. С. 259; Т. 19, 1903. С. 230–233; Татищев, 2018а. С. 123–124). Например, численность казанского войска – 40 000 – получена путем вычитания из общего числа имевшихся у «царя» сил (60 000) пришедших к нему на помощь ногайцев (20 000). В то же время, ратные силы воевод, посланных на помощь, но не решившихся вступить в бой с татарами, были уменьшены со 100 до 60 тысяч: Татищев был склонен при описании неудачных походов преуменьшать силы русских. Чтобы несколько сгладить у своих читателей негативные впечатления от нерешительности воевод, Татищев привел неизвестные источникам данные о больших потерях казанцев (5000 человек). Все эти данные о численности войск, потерях, о продолжительности осады совершенно недостоверны (Несин, 2019. С. 489; Илюшин, 2018).

Начало похода казанцев на Нижний Татищев дал по Никоновской летописи – в сентябре, окончание же (6 октября) рассчитал, опираясь на сведения «Казанской истории», согласно которой «царь» осаждал город 30 дней (по Никоновской летописи он «на третий день от града побеже»). Зная о скорой смерти великого князя, Татищев поделился своим знанием с Мухаммед-Амином, который решился на нападение, «ведый, яко князь великий Иван Васильевич во изнеможении плоти своея». Тяжелая болезнь Ивана Васильевича придала дерзости не только татарам, но и русским воеводам, посланным на помощь Нижнему: если в

Казанском летописце их пассивность объяснялась трусостью, то у Татищева они «видевше князя великого изнеможение», предпочли боевым действиям пьянство. Этот татищевский домысел некритично повторили Р. Г. Скрынников и Н. С. Борисов (Илюшин, 2018. С. 40).

В «Казанском летописце» рассказывалось об участии в обороне Нижнего Новгорода 300 литовских жолнеров, плененных при Ведроше. Отталкивая от слов «Казанской истории» («изомроша бо мнози в темницах»), Татищев домыслил, что изначально их было 500, но к моменту нападения казанцев в живых осталось 300. У Татищева литовцам уже перед сражением обещали свободу, которой они, однако же не поспешили воспользоваться – большинство их предпочло остаться в России (в «Казанском летописце» пленники отправляются «во своя си»). За это Татищев позволил им посмеяться над незадачливыми воеводами, которые «после рати храбры».

Еще одна драматичная подробность, которая читается только у Татищева – казнь вероотступника, взятого в плен во время вылазки из города: его «за ноги жива привязаша, за град со стены на бревна свесиша». Без сомнения, если бы подобный вероотступник попался бы в руки Татищеву, он тоже поступил бы с ним достаточно сурово.

В «Казанском летописце» рассказывается, как выстрелом из пушки был убит ногайский мурза, шурин Мухаммед-Амина. Татищев опустил красочные подробности меткого выстрела, зато повысил его эффективность: в «Истории Российской» царский шурин (которого Татищев произвел из мурз в «салтаны») погибает не один, но «со иными князи».

Поход на Казань 1506 г. Татищев изложил по Никоновской летописи. Живописными и недостоверными подробностями Казанского летописца он не соблазнился, но зато добавил собственное уникальное известие – о гневе Василия III на воевод, об их жалобе на князя Дмитрия Жилку, который «не слуша, и воевод излаял и, сделав худо, к Москве не иде, а иде прямо на Углич», об аресте и заключении Жилки в Переяславле (Татищев, 2018а. С. 127). По рассказу Никоновской летописи, неосторожные действия Дмитрия Жилки дважды привели к тяжелому поражению московских ратей. Не найдя в Никоновской летописи упоминаний о Дмитрии Жилке после 1506 г. вплоть до его смерти в 1521 г., историограф счел вероятным, что за свое головотяпство князь подвергся заключению. На самом деле Дмитрий Жилка после неудачного похода стоял в Нижнем Новгороде, в 1510 г. был на своем уделе в Угличе, а в 1512–1514 участвовал в войне с Литвою (Разрядная книга…, 1966. С. 37, 44, 48, 49, 51, 54).

Окончание конфликта в 1507 г. дано у Татищева практически дословно по Никоновской летописи (Татищев, 2018. С. 128–129; ПСРЛ. Т. 13, 1904. С. 5).

Как видим, Татищев щедро дополнил «Казанский летописец» собственными реконструкциями. В тех случаях, когда Татищева можно проверить (авторство Глазатого, имя Урбеть, заключение Дмитрия Жилки) его догадки недвусмысленно опровергаются. В этом еще

не было бы большой беды, если бы он оговаривал гадательный характер своих дополнений и не представлял бы их нарочито архаизированным языком, выдавая за текст аутентичного источника. Попытавшись в начале работы над «Историей Российской» писать ее «гисторическим порядком», Татищев уже при составлении 1-й редакции отказался от него в пользу порядка сводно-летописного. Фактически он вернулся к манере работы поздних летописцев XVI–XVII вв., переняв, среди прочего, их склонность дополнять текст домыслами с целью сделать повествование более согласованным, гладким, наконец, что немаловажно – занимательным. Целесообразно ли использовать татищевский нарратив в качестве исторического источника – вопрос, как представляется, праздный.

Список источников и литературы

Аксанов А. В. Русские летописи о московско-казанских отношениях: опыт герменевтического исследования // Золотоордынское обозрение. 2017. Т. 5., №1. С. 138–148.

Алишев С. Х. Источники и историография города Казани. Казань, 2001. 76 с.

Илюшин Б. А. «Война лета 7014». Московско-казанский конфликт 1505–1507 гг. Нижний Новгород: Стимул-СТ, 2018. 128 с.

Иоанн Златоуст в древнерусской и южнославянской письменности XI–XVI веков. Каталог гомилий. СПб.: Дмитрий Буланин, 1998. 215 с.

Карамзин Н. М. История государства Российского. Изд. 5. Книга 2. Т. 6. СПб., 1842. 228 с., разд. паг.

Кунцевич Г. З. История о Казанском царстве, или Казанский летописец. СПб., 1905. 682 с.

Латухинская степенная книга. 1676 год. М.: Языки славянской культуры, 2012. 881 с.

Моисеева Г. Н. Автор «Казанской истории» // Труды Отдела древнерусской литературы. М.; Л., 1953. Т. 9. С. 266–288.

Описание рукописного отдела Библиотеки Академии Наук СССР. Т. 3. Вып. 1. 2-е изд. М., Л.: Изд-во Акад. Наук, 1959. 707 с.

Несин М. А. К истории московско-казанских отношений 1535–1540-х гг. Часть 1. Крымский фактор, походы казанцев на русские земли 1535–1549 гг. [Электронный ресурс] // История военного дела: исследования и источники. 2019. Т. 10. С. 432–491. <http://www.milhist.info/2019/02/27/nesin_13> (27.02.2019).

Пекарский П. Новые известия о В. Н. Татищеве. СПб., 1864. 66 с.

Полное собрание русских летописей (ПСРЛ) Т. 6. Софийские летописи. СПб., 1853. 358 с.

ПСРЛ. Т. 12. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1901. 266 с.

ПСРЛ. Т. 13. Летописный сборник, именуемый Патриаршею или Никоновской летописью. СПб., 1904. 302 с.

ПСРЛ. Т. 19 (а). История о Казанском царстве (Казанский летописец). СПб., 1903. 546 с.

ПСРЛ. Т. 19 (б). История о Казанском царстве. Изд. 2-е. М., 2000. разд. паг. (IV–XI, 328 с.).

ПСРЛ. Т. 30. Владимирский летописец. Новгородская вторая (Архивская) летопись. М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2009. 272 с., разд. паг.

Посольские книги по связям России с Ногайской ордой. 1489–1549 гг. Махачкала: Даг. кн. изд-во, 1995. 360 с.

Разрядная книга 1475–1598. М.: Наука, 1966. 615 с.

Семенов В. Древняя русская Пчела по пергаменному списку. Сборник Отделения русского языка и словесности императорской Академии наук 1893. Т. 54, № 1. 444 с.

Сиренов А. В. Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII веков. Альянс-Архео. М., СПб., 2010. 545 с.

Соловьев С. М. Сочинения. В 18 кн. Кн. 3. Т. 5–6. История Российская с древнейших времен. М.: Мысль, 1989. 783 с.

Татищев В. Н. Записки. Письма. М.: Наука, 1990. 440 с.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 1. М.: Академический проект, 2016. 403 с.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 6. М.: Академический проект, 2018 (а). 557 с.

Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 7. М.: Академический проект, 2018 (б). 579 с.

Тихомиров М. Н. О русских источниках «Истории Российской» // Татищев В. Н. История Российская с самых древнейших времен: В 7 т. Т. 1. М.: Академический проект, 2016. С. 46–64.

Щербатов М. М. История Российская от древнейших времен. Т. 4. Ч. 2. СПб. 1783. 544 с.